

Слово и изображение в лицевой книге XVII в.

Исследование вопросов взаимозависимости слова и изображения в древнерусской лицевой книге имеет в отечественном искусствознании давнюю традицию, берущую начало в трудах Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова.¹ Уже в 80-е гг. XIX в. в науке сформировалось мнение, что «главное историческое значение русской миниатюры заключается в её теснейшей связи с иллюстрируемым ею текстом и согласии с древним иконографическим преданием».²

Эта идея послужила исследователям нашего времени основой для разработки комплексного метода изучения древнерусской лицевой книги, который нашёл своё воплощение в фундаментальных трудах Д. С. Лихачёва и О. И. Подобедовой,³ а ныне активно используется специалистами Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома. Однако проблемы взаимодействия средств художественного воплощения сюжета, стиля и жанра миниатюры и иллюстрированного ими текста нередко по-прежнему остаются за рамками исследований. Особенно это касается лицевых рукописей XVII в., которые до недавнего времени считались «поздними» и не входили в сферу интересов искусствоведов.

Попробуем рассмотреть некоторые вопросы взаимоотношения слова и изображения в лицевой книге XVII в. — «переходного» для русской культуры времени — на примере двух наиболее распространённых её типов: Апокалипсисов и Синодиков. Первые относятся к эсхатологическим сочинениям, вторые — к литературным сборникам нравственно-учительного характера.

Русский лицевой Толковый Апокалипсис не является, в отличие от западноевропейского Апокалипсиса, заключительной частью иллюстрированной Библии, а представляет из себя своего рода эсхатологический сборник, состоящий, кроме собственно Хождения Иоанна Богослова, из Слова Палладия Мниха о втором пришествии, Повести о славе небесной, Слова Блаженного Ипполита о скончании мира и антихриста, Жития Андрея Юродивого,

*Сукина, Л. Б. Слово и изображение в лицевой книге XVII в. (на материале Синодиков и Апокалипсисов) / Л. Б. Сукина // История и культура Ростовской земли, 1993 г. — Ростов, 1994. — С. 116—121.

¹Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. — СПб., 1861. — Т. 1—2.

Буслаев, Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Ф. И. Буслаев. — М., 1884. — Т. 1—2.

Кондаков, Н. П. Русский лицевой Апокалипсис. Рецензия на книгу Ф. И. Буслаева / Н. П. Кондаков // Журнал Министерства народного просвещения. — 1885. — Июль. — С. 110—142.

²Покровский, Н. В. Рецензия на книгу: Буслаев Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис / Н. В. Покровский. — СПб., 1886. — С. 1.

³Лихачёв, Д. С. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1966. — Vol. 22.

Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. — Л., 1967.

Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей (К истории русского лицевого летописания) / О. И. Подобедова. — М., 1965.

Подобедова, О. И. К вопросу о поэтике древнерусского изобразительного искусства / О. И. Подобедова // Старица, нова серија. — Београд, 1966. — Т. 20.

Жития Василия Нового, Пророчества Даниила. Сложный состав русского Апокалипсиса, видимо, послужил причиной того, что мастера-миниатюристы при иллюстрировании его даже в конце XVII — начале XVIII вв. не пользовались таким доступным «подлинником» как апокалипсический цикл гравюр Дюрера—Пискатора, а предпочитали обращаться к более древним традиционным образцам.

«Священный», по определению Н. П. Кондакова,¹ характер книги задал чёткую организацию её текста, поделённого на 72 главы или зачала. При иллюстрировании художники строго следовали сюжету повествования, циклы миниатюр внутри книги соответствуют четырём апокалипсическим седмицам: семь церквей, семь печатей, семь ангелов с трубами и семь ангелов с фиалами.² Количество миниатюр в Апокалипсисах XVII в. колеблется от 60 до 80, а в более поздних экземплярах достигает 250. Как правило, набор иллюстрируемых эпизодов традиционен — это самые главные в смысловом отношении моменты повествования. По воле художника или заказчика рукописи устоявшиеся циклы дополняются теми или иными сюжетами символично-догматического характера: «Троица Новозаветная», «Ангел Господень печален о человеках» и другими. В редких случаях на одном из первых листов книги встречается изображение архиепископа Андрея Кессарийского, пишущего толкование на Апокалипсис.³

Задача иллюстраций Толкового Апокалипсиса — сделать его текст ещё более понятным, так как он являлся популярной четвёртой книгой, имевшей хождение в различных слоях населения. Тесная связь священного текста и изображения подчёркивается пояснительными надписями к миниатюрам, иллюстрирующим предыдущую главу (в большинстве случаев миниатюры следуют за текстом и только в редких подносных экземплярах предшествуют ему). В рукописи начала 60-х гг. XVII в. из собрания РНБ текст включён в композицию миниатюр, которые не ограничены рамками, как было принято в искусстве средневековой иллюстрации, а очень живописно расположены на развороте: на одной странице — ангел, указывающий на какое-либо из событий Апокалипсиса, а на другой — маленькая фигурка изумляющегося Иоанна.⁴ Часто художники изображают разные моменты одного и того же эпизода на нескольких миниатюрах, что облегчает толкование текста.

«Канонический» жанр иллюстрируемой книги требовал от художника строгого следования иконографической традиции. Лишь иногда иллюстраторы позволяли себе некоторые «вольности» в виде использования аллегорических изображений, позаимствованных из европейской гравюры (как правило, в «добавочных» композициях циклов). Так, в Апокалипсисе 1705 г. из собрания РНБ в композиции «Ангел Господень печален о человеках» земля изображена в виде сидящего мужчины в красном кафтане на фоне куста, а море представлено полуобнажённым человеком на дельфине.⁵

Апокалипсисы, как и большинство других обильно иллюстрированных книг, «украшали» 2—3, а иногда и больше художников. Для исполнения миниатюр к Апокалипсисам привлекались высокопрофессиональные мастера, чему способствовал особый священный характер рукописи. Учитывая жанр и стиль эсхатологического повествования, они придерживались традиционной манеры иллюстрирования книги, тщательно и аккуратно прорисовывая каждую композицию. В Апокалипсисах довольно редки небрежно выполненные и грубо раскрашенные рисунки, характерные для многих лицевых рукописей второй половины XVII в.

В отличие от Апокалипсиса Синодик — литературный сборник имел не только церковное значение. Кроме канонического «чина православия» в его состав входили различные поучения и легенды на тему о поминовении усопших из житий и патериков, а также переводные новеллы из «Великого зеркала». Во второй половине XVII в. Синодик становится «народной книгой», аналогичной по своему историко-культурному значению западной народной книге

¹ Кондаков, Н. П. Русский лицевой Апокалипсис. Рецензия на книгу Ф. И. Буслаева / Н. П. Кондаков // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1885. — Июль. — С. 127.

² Это обстоятельство было замечено ещё И. П. Кондаковым: там же.

³ См., например: Толковый Апокалипсис. До 1964 г. РНБ. Ф. 1.84. Л. 1 об.

⁴ РНБ. Ф. 1.84. Л. 11 об. — 12, 20 об. — 21 и другие.

⁵ РНБ. Q. г. 1139. Л. 119.

периода позднего средневековья и Возрождения.¹ К концу XVII в. на основе Синодиков возникает нравственно-учительный сборник «Лекарство душевное», уже полностью лишённый литургического значения.²

Текст синодичных предисловий не тиражировался. Сборник каждый раз составлялся заново, и в его состав входили произведения различных жанров: короткая новелла, диалог, учительное слово, отрывки из житий и писаний отцов церкви.³ Такое разнообразие жанров ставило сложную задачу перед художниками, украшавшими книгу. Миниатюры Синодиков объединены между собой только композиционно — обычно соблюдался общий принцип размещения картинки на листе, сохранялся единый тип рамок, ограничивавших изображение. Однако нельзя сказать, что миниатюристы были совершенно свободны в живописном толковании текста, изображая его содержание лишь «по силе своего вдохновения», как считали исследователи прошлого века.⁴

Тексты символично-догматического характера сопровождались миниатюрами соответствующего жанра. Это «Троица», «Собор апостолов», «Душа чистая», «Царь царем» и некоторые другие.

Их стиль можно охарактеризовать как монументализирующий (строгость и продуманность композиций, точный рисунок, тщательная раскраска). Иконография этих сюжетов использовалась также в иконописи и фреске.⁵ Обычно эти миниатюры писал наиболее опытный и талантливый из нескольких художников, иллюстрировавших рукопись.

Далее, когда мастера приступают к иллюстрированию более «светских» сюжетов («Повесть о посаднике Шиле» и другие), наблюдается «снижение» стиля. Такие миниатюры выполнены чаще всего в так называемой очерковой манере: перовой контурный рисунок довольно небрежно раскрашивается в несколько традиционных цветов (красный, жёлтый, зелёный, коричневый).⁶

Среди миниатюр, иллюстрирующих «повести» и «притчи», немало таких, в которых художники делают попытку изобразить современный им русский быт: «Русская баня» из повести Григория Двоеслова о Пасхазии диаконе, многочисленные сцены сельского труда, пиров и тому подобные. А. И. Успенский видел в этих рисунках истоки русского жанра.⁷ Именно такие композиции впоследствии часто использовались мастерами русского лубка и кистевой росписи по дереву.⁸

В текст синодичных предисловий нередко включались фрагменты Космографий и Месяцесловов. Для их иллюстрирования в качестве образцов использовались европейские гравюры аллегорического характера. Наиболее популярным был цикл, изображающий смену времён года: Государь Великий год, Царь Зима, Царь Весна, Царь Лето и Царь Осень.⁹

В миниатюрах Синодиков XVII в. достиг своего расцвета новеллистический жанр, зародившийся в искусстве конца XVI — начала XVII вв.¹⁰ Этому способствовало включение в состав сборников большого количества переводных западноевропейских новелл, в кото-

¹Владимиров, П. В. Великое Зерцало / П. В. Владимиров. — М., 1884.

²О литературной истории Синодика см.: Дергачёва, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика): Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / И. В. Дергачёва. — М., 1987. Там же приведена подробная библиография вопроса.

³Там же. — С. 81—93.

⁴Успенский, А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века / А. И. Успенский // Записки Московского Археологического института. — М., 1914. — Т. 32. — С. 15.

⁵Об иконографии редкой композиции «Душа чистая» и её использовании в иконе и фреске см.: Голышев, И. А. Альбом рисунков рукописных Синодиков 1651, 1679 и 1685 гг. / И. А. Голышев. — Голышевка, 1885. — С. 3—4 (сноска).

⁶См., например, миниатюры Синодиков из собрания Ростово-Ярославского музея-заповедника: Список церкви с. Шендоры. Р-10; Синодик Ростовского Успенского собора. Р-225.

⁷Успенский, А. И. Русский жанр XVII века / А. И. Успенский // Золотое руно. — 1906. — № 7—9. — С. 88—98.

⁸Уханова, И. Н. Книжная иллюстрация XVIII в. в памятниках народного декоративно-прикладного искусства русского Севера (Северная Двина) / И. Н. Уханова // Русское искусство первой четверти XVIII века. — М., 1974. — С. 210—226. Там же см. библиографию вопроса.

⁹Великолепное воплощение эти циклы нашли в Синодике РНБ (Ф. 1.735. Л. 11—19) и Лекарстве Душевном (РГАДА. Ф. 181. Ед. хр. 597. Л. 40—54).

¹⁰Подобедова, О. И. Московская школа живописи при Иване IV / О. И. Подобедова. — М., 1972. — С. 171.

рых говорилось о частной жизни простых людей.¹ В Синодиках использовались в основном нравоучительные религиозные новеллы «Великого Зеркала».

Непривычные для русского человека сюжеты («Госпожа творящая со слугою блуд» и так далее) заставляли художников использовать некоторые мотивы западной живописи и гравюры. Персонажи зачастую изображены в «немецком» платье, а действие происходит в интерьерах европейских домов. Из западноевропейского искусства пришли в синодичные миниатюры и альковные сцены, в свою очередь оказавшиеся прообразом русского эротического лубка XVIII в.

Рассмотрев два наиболее распространённых типа русских лицевых рукописей XVII в., мы пришли к выводу, что жанр и стиль их миниатюр находится в тесной связи со стилем и жанром иллюстрируемого литературного произведения. Это позволяет подвергнуть серьёзным сомнениям бытующее в науке мнение, что причиной стилевых изменений в русской миниатюре и орнаменте XVII в. стало использование скорописи вместо полуустава.² Практически все известные нам Апокалипсисы и Синодики написаны традиционным полууставом.³ Этот почерк использовался при их переписке и в более позднее время. Таким образом, не почерк и не другие второстепенные обстоятельства оказывали влияние на формирование нового стиля книжной миниатюры XVII столетия, а те принципиальные изменения, которые происходили в русской культуре «переходного» периода и нашли отражение в первую очередь в литературе того времени.

¹Державина, О. А. Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре / О. А. Державина // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1960. — Т. 16. — С. 388—396.

²Свирин, А. Н. Древнерусская миниатюра / А. Н. Свирин. — М., 1960. — С. 120.

Свирин, А. Н. Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв. / А. Н. Свирин. — М., 1964. — С. 136.

Мнёва, Н. Е. Миниатюры и орнаментальные украшения рукописей XVII в. / Н. Е. Мнёва, М. М. Постникова-Лосева // История русского искусства. — М., 1959. — Т. 4. — С. 467.

³На то, что эти книги в XVII в. и в более позднее время переписывались почти исключительно полууставом, обратил внимание ещё Н. П. Кондаков: Кондаков, Н. П. Русский лицевой Апокалипсис. Рецензия на книгу Ф. И. Буслаева / Н. П. Кондаков // Журнал Министерства народного просвещения. — 1885. — Июль. — С. 127.

Литература

1. *Буслаев, Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. — СПб., 1861. — Т. 1—2.
2. *Буслаев, Ф. И.* Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Ф. И. Буслаев. — М., 1884. — Т. 1—2.
3. *Владимиров, П. В.* Великое Зерцало / П. В. Владимиров. — М., 1884.
4. *Гольшев, И. А.* Альбом рисунков рукописных Синодиков 1651, 1679 и 1685 гг. / И. А. Гольшев. — Гольшевка, 1885.
5. *Дергачёва, И. В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика): Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / И. В. Дергачёва. — М., 1987.
6. *Державина, О. А.* Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре / О. А. Державина // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1960. — Т. 16.
7. *Кондаков, Н. П.* Русский лицевой Апокалипсис. Рецензия на книгу Ф. И. Буслаева / Н. П. Кондаков // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1885. — Июль.
8. *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. — Л., 1967.
9. *Лихачёв, Д. С.* Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1966. — Vol. 22.
10. *Мнёва, Н. Е.* Миниатюры и орнаментальные украшения рукописей XVII в. / Н. Е. Мнёва, М. М. Постникова-Лосева // *История русского искусства*. — М., 1959. — Т. 4.
11. *Подобедова, О. И.* К вопросу о поэтике древнерусского изобразительного искусства / О. И. Подобедова // *Старинар, нова серија*. — Београд, 1966. — Т. 20.
12. *Подобедова, О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей (К истории русского лицевого летописания) / О. И. Подобедова. — М., 1965.
13. *Подобедова, О. И.* Московская школа живописи при Иване IV / О. И. Подобедова. — М., 1972.
14. *Покровский, Н. В.* Рецензия на книгу: Буслаев Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис / Н. В. Покровский. — СПб., 1886.
15. *Свирин, А. Н.* Древнерусская миниатюра / А. Н. Свирин. — М., 1960.
16. *Свирин, А. Н.* Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв. / А. Н. Свирин. — М., 1964.
17. *Успенский, А. И.* Русский жанр XVII века / А. И. Успенский // *Золотое руно*. — 1906. — № 7—9.
18. *Успенский, А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века / А. И. Успенский // *Записки Московского Археологического института*. — М., 1914. — Т. 32.
19. *Уханова, И. Н.* Книжная иллюстрация XVIII в. в памятниках народного декоративно-прикладного искусства русского Севера (Северная Двина) / И. Н. Уханова // *Русское искусство первой четверти XVIII века*. — М., 1974.